

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ЦЕЛЕВЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИХ ЯЗЫКАХ *

В статье рассматриваются структурные типы целевых полипредикативных конструкций (монофинитные и бифинитные, союзные и бессоюзные) в трех языках чукотско-корякской семьи – чукотском, корякском и алюторском, генетически близкородственных, но обладающих различным социолингвистическим статусом. Путем прослеживания динамики частотности разных типов целевых конструкций доказываемся, что различные результаты системных изменений обусловлены прежде всего экстралингвистическими факторами: степенью сохранности языка, типом политики нормирования, проведенной в отношении языка, условиями его функционирования. Все эти факторы, уникальные для каждого языка, действуют на фоне общего влияния русского языка, которое проявляется в развитии союзной связи.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, синтаксис, полипредикативная конструкция, целевая конструкция.

По выражаемой семантике целевые полипредикативные конструкции (ППК) в чукотско-корякских языках делятся на *собственно целевые* ('чтобы'), *отрицательно-целевые* ('чтобы не') и ППК *целевой коррекции* ('не для того, чтобы').

В данной статье будут рассмотрены собственно целевые конструкции, составляющие ядро целевых ППК. В главной предикативной единице (ГПЕ) собственно целевых конструкций выражено активное действие, направленное на достижение предполагаемого и желательного события, обозначенного в зависимой предикативной единице (ЗПЕ), которого субъект стремится достичь и которое намерен контролировать.

Целью статьи является описание изменений в системах собственно целевых конструкций трех чукотско-корякских языков (чукотского, корякского и алюторского) от начала их фиксации (конец XIX в.) до настоящего времени.

Чукотско-корякские языки распространены на крайнем северо-востоке Евразии (п-ов Чукотка, северная часть п-ва Камчатка). Важными типологическими свойствами этих языков являются двусторонняя агглютинация, возможность инкорпорации, субъектно-объектное спряжение, эргативность, свободный порядок слов (преимущественно AVP / SV).

По данным Переписи 2002 г. 49 % из 15 767 чукчей владеют чукотским языком. Чукотский язык не имеет выраженного деления на диалекты, сохраняет и развивает письменность, появившуюся в 1930-е гг., и литературную традицию, которая зародилась в середине XX в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00348а «Динамика соотношения частотности функционально сходных морфологических показателей и синтаксических конструкций в чукотско-корякских языках»).

Таблица 1

Оригинальные тексты на чукотско-корякских языках по периодам
(объем в количестве словоупотреблений)

Период	Язык					
	чукотский		корякский (чавчувенский диалект)		алюторский (северо-восточный диалект)	
Довоенный	Опубликованные фольклорные тексты	ок. 30 000	Оригинальные произведения К. Кеккетына.	ок. 21 000	Фольклор (архив С. Н. Стебницкого)	ок. 10 000
Послевоенный	Опубликованные фольклорные тексты	ок. 43 000	–	–	Фольклор (архив И. С. Вдовина)	ок. 55 000
Современный	Опубликованные фольклорные тексты	ок. 33 000	Опубликованные фольклорные тексты	ок. 11 000	Опубликованные фольклорные тексты	ок. 16 000
			Экспедиционные материалы автора	ок. 5 000	Экспедиционные материалы автора	ок. 130 000
			Газетные публикации	ок. 23 000	Оригинальное произведение К. Килпалина	ок. 5 000
			Общий объем современных текстов	ок. 39 000	Общий объем современных текстов	ок. 151 000

Коряки (8 743 чел.) делятся на две группы: *чавчувены* (кочевые коряки) – ок. 5,7 тыс. и *нымыланы* ((полу)оседлые коряки) – ок. 3 тыс.

На корякском языке, имеющем три диалекта, говорят ок. 2 тыс. чел. (ок. 30–35 % этнической группы чавчувенов). Литературная традиция, созданная в 1930-е гг., после Великой Отечественной войны прервалась, в настоящее время в письменной форме корякский язык используется только в публикациях, выходящих на национальных страницах газеты «Народовластие», издаваемой в Корякском АО.

На алуторском языке, имеющем четыре диалекта¹, говорят от 300 до 500 чел. (ок. 10 % этнической группы нымыланов). Этот язык является бесписьменным, никогда не нормировался, так как считался диалектом корякского языка.

Основным методом исследования является выявление частотности употребления различных типов целевых конструкций по релевантным в социолингвистическом отношении временным срезам: довоенный период (конец XIX в. – 1940-е гг.); послевоенный период (1950-е – 1960-е гг.); современный период (с 1970-х гг. по настоящее время). Материал был собран методом сплошной выборки из корпуса оригинальных текстов на трех языках (табл. 1).

¹ В данной статье проанализированы тексты на наиболее многочисленных диалектах корякского и алуторского языков – чавчувенском диалекте корякского языка и северо-восточном, или собственно алуторском, диалекте алуторского языка.

Структурные типы целевых ППК

В чукотско-корякских языках имеются два типа собственно целевых ППК: монофинитные и бифинитные.

Предикаты ЗПЕ как монофинитных, так и бифинитных целевых конструкций могут иметь различную морфологическую форму (табл. 2).

Таблица 2

Форма предиката ЗПЕ в целевых ППК

Структурные типы	Язык		
	чукотский	корякский	алюторский
Монофинитные			
Tv=NMLZ.loc=DAT	+	+	+
Tv=NMLZ.loc=EQU	+	+	
Tv=NMLZ.loc=LAT	+	+	
Tv=NMLZ.obj=ABS			+
Tv=CV ^{LOC}	+	+	+
Tv=CV ^{EQU}			+
Tv=CV ^{COM}			+
Tv=CV ^{LAT}	+		
Tv=CV ^{INSTR}	+		
только=DES=Tv=CV ^{INSTR}	+		
только=CV ^{DAT}		+	
красивый=Tv=CV ^{DAT}	+		
Tv=PrP=//		+	+
Tv=REL=//		+	
ADV		+	+
NUM		+	
Бифинитные			
Tv=OPT=//	+	+	+
Tv=CON=//	+	+	+
Tv=POT=//	+	+	+
Tv=IND=//		+	+

Монофинитные целевые ППК. Наиболее частотны в роли зависимых предикатов монофинитных целевых ППК специализированные инфинитные формы деепричастного типа, конвербы, восходящие к формам дательного, направительного и назначительного падежей от глагольных существительных с деривационным суффиксом =*nv* ‘место’. Эти формы были выделены исследователями в отдельный разряд инфинитных форм – супин [Жукова, 1972. С. 259; Скорик, 1977. С. 138; Кибрик и др., 2000. С. 229; Нагаяма, 2003. С. 115–116].

(1) ал., с.-в., кич. {Тэңмав’ виҕэнвэу} [инаниули].

təŋmaw viḡə=ŋv=əŋ ina=niŋl=i
именно умереть=NMLZ.loc=DAT 1sgP=бросить=2sg+PFV
‘Именно умирать ты меня бросил.’

(2) кор. ...[ʒəg’əʒəv’] {уав’тэңэнвэтэу}. (Жукова 1988: текст 11, предл. 71)²

qə=heqew ŋaw=təŋə=ŋv=etəŋ
2.OPT=отправляться женщина=VBLZ=NMLZ.loc=LAT
‘...отправляйся жениться.’

² См. текстовые источники в конце статьи.

(3) чук. ...[к'ымэйи́н 'эт тан'амгымыкагты] {ронво}... (Беликов 1979: 133)

qə=mejŋ=et

taŋ=am=үөм=эка=үтə

го=пw=о

2.OPT=большой=VBLZ красивый=только=я=OBL=LAT

съесть=NMLZ.loc=EQU

‘Вырастай только для меня, (чтобы я тебя) съел.’

Из неспециализированных конвербов во всех языках чаще других в текстах встречается полифункциональный конверб, восходящий к падежной форме локатива, в грамматиках чукотско-корякских языков описываемый как инфинитив [Жукова, 1972. С. 258; Скорик, 1977. С. 135–138; Кибрик и др., 2000. С. 228; Нагаяма, 2003. С. 115]. В целевых ППК он используется как самостоятельно, так и в сочетании с целевым союзом.

(4) ал., с.-в., кич. ...[аккав'и этгина {зораунтак} натумгататкэна]. [Жукова 1988: текст 52, предл. 55]

akka=wwi

əty=ina

qora=ŋta=k

сын=ABS.pl

они.OBL=POSS.nsg

олень=VBLZ.пойти за=CV^{LOC}

na=tumy=atə=tk=əna

LowA=друг=VBLZ=IPFV=3nsgP

‘Сыновей своих берут с собой пасти оленей.’

(5) ал., с.-в., выв. {То зиназ рэпатык}, {зиназ азлатка}, [нуралаң алваң ин?а мынэннэуыртэлзивла]. (Вдовин 1955: тетр. 5, с. 87)

to qinaq ep=at=ək

qinaq a=qlat=ka

и чтобы закрыть=VBLZ=CV^{LOC}

чтобы CV^{NEG}=нуждаться=CV^{NEG}

nuralaŋ alvaŋ in?a

mən=ənnə=ŋərtə=lqiv=la

скорее по-другому быстро

1nsgS=рыба=VBLZ.добыть=INCH=PL

‘И чтобы делать запоры, чтобы не нуждаться, быстрее, по-другому, рано мы начинаем рыбачить.’

Имеются также примеры с малоупотребительными в целевых ППК конвербами, восходящими к формам других косвенных падежей (дativa, латива, инструменталиса, комитатива и экватива), в том числе в комбинациях с деривационными показателями дезидератива и ограниченности. В «Грамматике чукотского языка» конверб с циркумфиксом *эмрэ= – =уэ* (пример 7) описывается как целевое деепричастие, выражающее целенаправленность как качественную характеристику главного действия [Скорик, 1977. С. 164–166].

(6) ал., с.-в., кич. [auwáwi {ewágilinu} Íkl'a]. (Стебницкий 1928: тетр. 1, с. 118)

awwaw=i

əlwa=yili=nu

ikl'a

пойти=3sgS+PFV дикий олень=VBLZ.добывать=CV^{EQU}

pers

‘Пошел на охоту на диких оленей Икля.’

(7) чук. [Бнкам ынкэната нэнамн'ылэйгым] {эмрэйгуленн'э}. (Тынэтэгын 1940: 18)

ənk'am

ən=kəna=ta

n=əna=mŋəto=juəm

и

он=REL=INSTR

IPF=AP=спросить=3sgS

em=re=jyulen=ŋ=e

только=DES=узнать=DES=CV^{INSTR}

‘Вот поэтому я и спрашивал, чтобы узнать.’

Кроме конвербов, в монофинитных целевых ППК в качестве предиката ЗПЕ в отдельных случаях встречаются спрягаемые формы причастий настоящего времени, релятивные прилагательные, наречия и числительные.

(8) ал., с.-в., выв. [Вада пэкавинн тэҕасапнэҕ] {тэкалуиунтатэл?эн}.

va|a

pəkav=nin

tə=ʕasap=ŋ=ək

pers

не мочь=3sgA+3sgP

DES=догнать=DES=CV^{LOC}

tə=kəlŋi=ŋtatə=lʔ=ən

CAUS=развилка=VBLZ=PrP=3sgS

‘Не смог Валу догнать, чтобы разорвать.’

Причастия настоящего времени в чукотско-корякских языках часто номинализуются и выполняют актантные функции. В приведенном примере, однако, иллюстрируется именно функция предиката в целевой ЗПЕ (‘чтобы разорвать’), так как причастие употреблено в форме 3-го лица ед. числа, а в роли агенса при переходном глаголе (‘разрывающий’) оно должно быть оформлено эргативным падежом.

Следующий пример демонстрирует использование наречия в качестве предиката зависимой части целевой ППК.

(9) кор. [Эви ваяво ан’ан’ьякэнау накунпын’нау], {тит ныкычвиэу}... (Кеккетын 1939: 5)

hewwi waŋav=o aŋaŋja=kena=w

нарочно слово=ABS.pl петъ=REL.nsg=PL

na=ku=nrə=ŋ=na=w

tit

nə=kəʃvi=hew

LowA=PRES=ставить=PFV=3nsgP=PL

чтобы

QUAL=веселый=ADV

‘Нарочно (сами) слова песен подставляют, чтобы весело (было)...’

Бифинитные целевые ППК. В бифинитных целевых ППК предикатами ЗПЕ являются спрягаемые формы косвенных наклонений (оптатив, конъюнктив), третье косвенное наклонение, потенциалис, а также индикатив используются в единичных случаях.

(10) ал., с.-в., ан. [Мамилџэмэткин милгэн нанэулавэн], {нурал џинаџ мэнрэтэла}.

mami=ʃqə=mət=kin

mily=ən

na=nə=ŋl=av=ən

юкольник=ON=подобный=REL.sg

огонь=ABS.sg

LowA=CAUS=дым=VBLZ=3sgP

nural

qinaq

mən=retə=la

скорее

чтобы

1nsgS.OPT=приходить домой=PL

‘Костер высотой до юкольника развели они, чтобы мы быстрее домой попали.’

(11) чук. [Чимгъугъэт ытри тульэтык (энмэпы агнок к’ача вальэпы) выквылгын],

{ин’к’ун ырык рочгынкы э’птэ нъытвагъан нымкык’ин ырыкы}. (Чукотские сказки 1975: 138)

čimʔu=ʔet

ətri

tufʔet=ək

wəkʷəʔy=ən

iŋqun

думать=3pl+PFV

они

красть=CV^{LOC}

камень=ABS.sg

чтобы

əg=ək=roʃyəŋ=kə

ʔepte

nʔə=twa=yʔan

nə=mkə=qin

они=OBL=берег=LOC

тоже

CON=быть=3sg+PFV

QUAL=многочисленный=3sgS

gərkə

морж

‘Задумали они украсть камень от скалы возле мыса, чтобы на их берегу тоже было много моржей.’

(12) кор. [ʔЭв’в’а гэйив’зэв’ гэтэйкалин], {тит гэччи џонпэң (в’отџо йэлэу йунэтэк) йи-вийки}: (– В’утингэйникэчгин џиңэн аньэџ’ан итэлг’эн йонатгэйиңэн). (Жукова 1988: текст 9, предл. 217–218)

hewwa ʔəjiw=qew

ʔe=tejkə=lin

tit

gəʃci qonpəŋ

нарочно указывать=NMLZ

PP=делать=3sgP

чтобы ты

всегда

j=ivə=jk=i

POT=сказать=IPFV=2sgS

‘Нарочно знак сделал, чтобы ты всегда с этого времени впредь, живя, говорил: – У этих зверей, оказывается, такая жизнь.’

Употребление целевых союзов. Как в бифинитных, так и в монофинитных целевых конструкциях для уточнения целевой семантики могут использоваться союзы, материально различные во всех трех языках (ал. *џина(џ)* ‘чтобы’, кор. *тит* ‘чтобы’, чук. *иуңун* ‘чтобы, что’). Это свидетельствует об инновационном характере союзной связи в системе целевых конст-

рукций и о ее появлении уже в период самостоятельного развития каждого из языков. В словарях алюторского языка лексема *буна* (*ʃ*) названа частицей [Кибрик и др., 2000. С. 375; Нагаяма, 2003. С. 285], однако в нашем корпусе текстов на алюторском языке иные функции данной лексемы, помимо выражения цели, не выявлены.

В бифинитной целевой ППК союз практически обязателен, но он обычно отсутствует во второй из однородных целевых ЗПЕ.

(13) кор. [*Корюһөнөн гыткав јьлујвк*], *{tit nomav̄n}* to *{ныһвон саяратык}*. (Кеккетын 1936: 19)

ko=пво=п=nen үәтка=w j=ilu=jv=эк
 PRES=начать(ся)=PFV=3sgA+3P нога=ABS.pl CAUS=шевелиться=INTENS=CV^{LOC}
tit **n=om=av=эн** to **нә=пво=n**
чтобы **3.ОПТ=теплый=VBLZ=3sgS** и **3.ОПТ=начать(ся)=3sgS**
 сәј=рат=эк
 чай=варить=CV^{LOC}
 ‘Принимается ногами шевелить, чтобы согреться и начать кипятить чай.’

В монофинитных целевых ППК союзы чаще встречаются с неспециализированными формами предикатов (см. примеры 5, 9, табл. 4–6).

Целевые союзы, вероятно, под влиянием русского языка, стали полифункциональными и, кроме целевых ППК, во всех чукотско-корякских языках используются также в конструкциях со значением косвенного волеизъявления (*Он сказал, чтобы мы пришли*), а в чукотском языке и в других типах актантных ППК.

(14) чук. [*Питик’ылгык’эй чен’ыттэтгыи*], *{ин’к’ун рэмкылын рантогъа}*... (Кымытваль)

pіpіqəʎyə=qeʃ сәнәттet=ʏʔi иҗqun re=mkə=ʔʔ=эн
 мышь=DIM испугаться=3sg+PFV что дом=группа=ATR=ABS.sg
 га=нто=ʏʔa
 РОТ=выйти=3sg+PFV
 ‘Мышка испугалась, что гость выйдет.’

Позиция целевой ЗПЕ. По отношению к ГПЕ в монофинитных ППК является свободной (постпозиция, препозиция и интерпозиция; см. примеры 4 и 6 с интерпозицией ЗПЕ), в бифинитных ППК допускается только соположение с ЗПЕ и ГПЕ (постпозиция или препозиция, интерпозиция запрещена). Целевая ЗПЕ, особенно находящаяся в постпозиции, в речи часто парцеллируется и оформляется как отдельное интонационное единство, а на письме – как отдельное предложение.

(15) кор. [*Янг’ав калечетгыһуын нытикии*]. *{Тит вотэн калэйпын г’опта туйг’уемтэвилг’у ныг’ыһволайкэ льяпык}*... (Народовластие: 30.08.2008)

janhaw kale=сәт=ʏəʃn=эн nəh=it=iki **tit**
 правильно книга=VBLZ.intens=NMLZ.obj=ABS.sg CON=быть=IPFV **чтобы**
 wot=en=kale=јрәҗ hopta tuj=hujemtewilh=u
 этот=REL=книга=PROL тоже новый=человек=ABS.pl
nəh=пво=la=jke ʎəʎar=эк
CON=начать(ся)=PL=IPFV смотреть=CV^{LOC}
 ‘Письмо должно быть правильным. Чтобы по этому написанному и молодые люди начали смотреть.’

(16) чук. *{А’тав льонво}*. [*Эквэтгьэт*]. (Богораз 2004: 166)

?ataw ʎo=nw=о ekwet=ʏʔet
 просто увидеть=NMLZ.loc=EQU отправиться=3plS+PFV
 ‘Просто чтобы увидеть. Отправились они.’

Морфологический способ выражения целевой семантики. Наряду с ППК, целевая семантика в чукотско-корякских языках может выражаться в простом предложении с помощью морфем перегриватива, которые присоединяются к основе глагола и обозначают движение с целью выполнения действия, указанного в основе.

(17) ал., с.-в., ан. *Тук, Бутџэңцаку, Ҷопта энакмилламэк, нуталџэн мэңлаџусџивла...*

tuk qutqəŋcaqu Ҷопта эn=akmil=la=mək nuta=lq=ən
 ну pers тоже LowA.OPT=взять=PL=1nsgP тундра=ON=ABS.sg
 мэң=laʔu=sqiv=la
 1nsg.OPT=увидеть=PER=PL
 ‘Ну, Куткыннюку, и нас возьми (с собой), землю поедем посмотреть...’

Зафиксированы случаи включения морфемы перегриватива в предикат ЗПЕ целевой ППК.

(18) чук. [Эквэтгџи] {н’авынџёск’эвынвэты}. (Чукотские сказки 1975: 21)

ekwet=ʔʔi ɲawə=ɲjo=sqewə=nw=etə
 пойти=3sgS+PFV женщина=караулить=PER=NMLZ.loc=LAT
 ‘Пошел обрабатывать за невесту.’

Динамика развития целевых ППК в чукотско-корякских языках

Количество целевых конструкций в нормированных чукотском и корякском языках в течение XX в. увеличилось (рис. 1). Это можно объяснить развитием союзной связи, происшедшим, вероятно, под воздействием русского языка. Особенно четко этот процесс прослеживается в наиболее сильном языке чукотско-корякской семьи – чукотском. В алюторском языке сходная тенденция получила обратный вектор во второй половине XX в., когда алюторский язык приобрел статус исчезающего языка. В корякском языке прирост количества целевых конструкций невелик, поскольку их число было значительным уже в первых опубликованных на чавчувенском диалекте корякского языка текстах, – это художественные произведения, написанные корякским писателем К. Кеккетыном, в которых система целевых конструкций представлена уже не в исходной форме, она претерпела изменения под влиянием нормирования и художественного стиля.

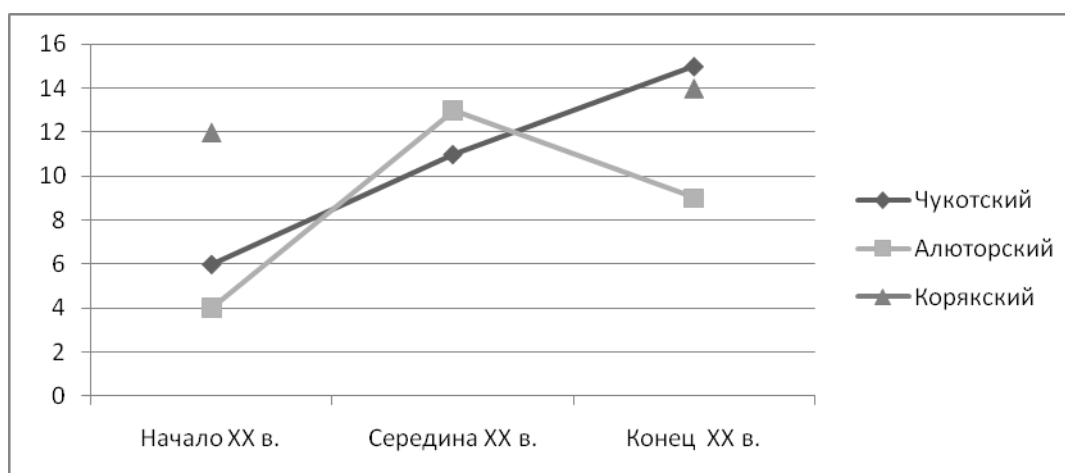

Рис. 1. Динамика количества целевых ППК в чукотско-корякских языках

Динамика частотности целевых конструкций в текстах на разных языках различается (табл. 3). Для подсчета этого показателя условно принята длина предложения в 7 слов. В алюторском языке целевые ППК в оригинальных текстах употребляются наиболее редко, и со временем их частотность снижается: в текстах 1920-х гг. целевые конструкции встречаются

ся с частотностью одна целевая ППК примерно на 40 предложений, в текстах 1950-х гг. – одна на 50 предложений, а в современных текстах – одна на более чем 180 предложений. Спад частотности употребления разных функциональных типов ППК, не только целевых, является свидетельством снижения уровня владения алуторским языком у его носителей, число которых стремительно уменьшается.

Таблица 3

Частотность целевых конструкций в текстах
на чукотско-корякских языках

Язык	Период		
	начало XX в.	середина XX в.	конец XX в.
Алуторский	1/40	1/50	1/180
Чукотский	1/390	1/67	1/75
Корякский	1/22		1/26

В чукотском языке, наоборот, в текстах начала XX в. целевые ППК были единичны (одна на 390 предложений), к середине века с развитием литературного языка они стали гораздо более частотными (одна целевая ППК на 67 предложений), в современных фольклорных текстах их употребительность снова падает (одна целевая ППК на 75 предложений), возможно, также вследствие снижения уровня владения родным языком.

Корякский язык демонстрирует наиболее высокую частотность целевых ППК, достаточно стабильно сохраняющуюся в течение всего XX в. не только в литературных, но и в фольклорных текстах (одна целевая ППК на 22 предложения в начале века и одна на 26 – в конце века). Это положение дел может быть результатом эффективной политики нормирования корякского языка, проведенного в 1930-е гг.

Целевые ППК в алуторском языке. В алуторских текстах 1920-х годов зафиксированы только бессоюзные целевые конструкции (табл. 4, рис. 2, 3). Бурное развитие союзной связи в целевых ППК отражено в текстах 1950-х гг.: бифинитные конструкции стали использоваться преимущественно с союзами, в монофинитных конструкциях с предикатами ЗПЕ в специализированных формах также стало возможно употребление союзов. В современных текстах система целевых ППК возвращается примерно к исходному состоянию и выглядит более сбалансированно: в монофинитных ППК союзы почти не встречаются, а для бифинитных ППК они становятся практически обязательными.

С употреблением союзов тесно связана частотность бифинитных целевых ППК: если в текстах 1920-х гг. в силу отсутствия союзной связи они были единичны, то в текстах 1950-х гг. при общем преобладании монофинитных конструкций бифинитные ППК составляют значительную долю (ок. 30 %) общего количества употреблений целевых ППК. В современных текстах доля бифинитных ППК уменьшилась до 15 %, что обусловлено меньшей востребованностью союзов.

Целевые ППК в чукотском языке. Системные изменения, связанные с использованием союзов, прослеживаемые на материале чукотских фольклорных текстов на протяжении XX в., подобны рассмотренным выше процессам в алуторском языке с той разницей, что в чукотских текстах конца XIX – начала XX в. единичные конструкции с союзами уже встречались, поэтому и бифинитных ППК в целом было несколько больше, чем в алуторских текстах довоенного периода (табл. 5, рис. 4, 5). Далее наблюдается сходная картина: развитие союзных конструкций в середине века и их стабилизация на более низком уровне частотности в конце XX в. Такое сходство объясняется тем, что нормирование чукотского языка в начале XX в. проводилось скорее номинально и не было закреплено в художественных произведениях, как это произошло с корякским языком. Плеяда чукотских писателей начала свою деятельность после Великой Отечественной войны, когда этап языкового строительства был уже пройден и нормирование утратило актуальность. Поэтому система целевых конструкций чукотского языка продолжала развиваться «естественным образом», подобно близкородственному ненормированному алуторскому языку.

Таблица 4

Количественная характеристика целевых ППК
в северо-восточном диалекте алюторского языка

Структурные типы	Период					
	1920-е гг.		1950-е гг.		совр.	
	-CONJ	+CONJ	-CONJ	+CONJ	-CONJ	+CONJ
Монофинитные						
Tv=NMLZ.loc=DAT	28		80		70	
Tv=NMLZ.loc=EQU					1	
Tv=NMLZ.obj=ABS				1		
Tv=CV ^{LOC}	3		15	7	33	
Tv=CV ^{EQU}	3					
Tv=CV ^{COM}				2		
QUAL=Ta=ADV				2	4	1
Tv=PrP=//			7		3	
Бифинитные						
Tv=OPT=//			4	23		11
Tv=CON=//	1		1	10	1	6
Tv=POT=//				5		
Tv=IND=//				1		
Всего	35		108	51	112	18

Рис. 2. Соотношение частотности монофинитных и бифинитных целевых ППК в алюторском языке

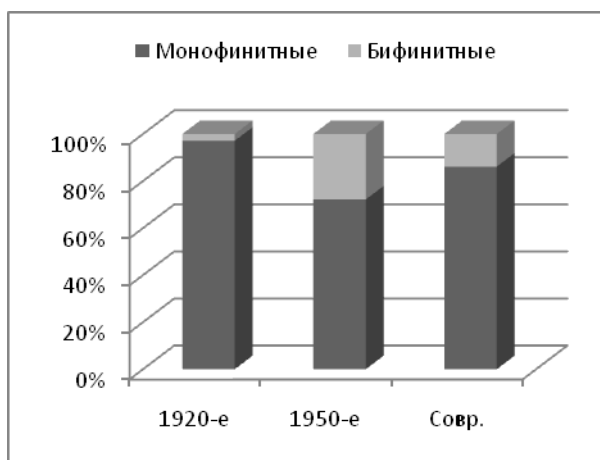

Рис. 3. Соотношение частотности союзных и бессоюзных целевых ППК в алюторском языке

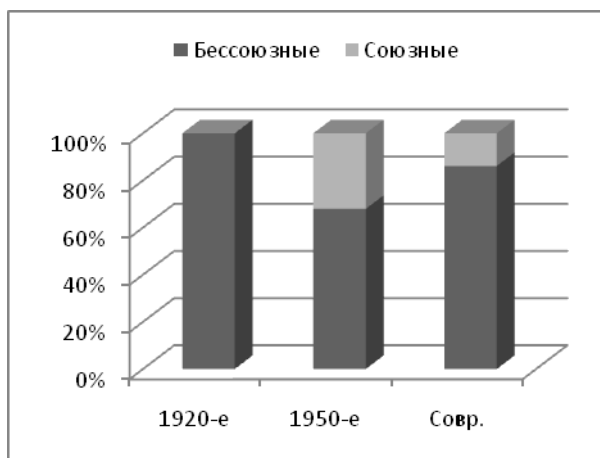

Таблица 5

Количественная характеристика целевых ППК
в чукотском языке

Структурные типы	Период					
	1900-е гг.		1950-е гг.		совр.	
	-CONJ	+CONJ	-CONJ	+CONJ	-CONJ	+CONJ
Монофинитные						
NMLZ(loc) ^{DAT}	1		8		1	
NMLZ(loc) ^{LAT}			24		21	1
NMLZ(loc) ^{EQU}	2		13	2	11	
CV ^{LOC}	3		7	6	7	1
CV ^{LAT}			4		1	
CV ^{INSTR}					1	
только=DES=CV ^{INSTR}	3		6	3	5	
красивый=CV ^{DAT}					2	1
Бифинитные						
Vf ^{OPT}	1	1		18		6
Vf ^{CON}				1	2	2
Vf ^{POT}						1
Всего	10	1	62	30	51	12

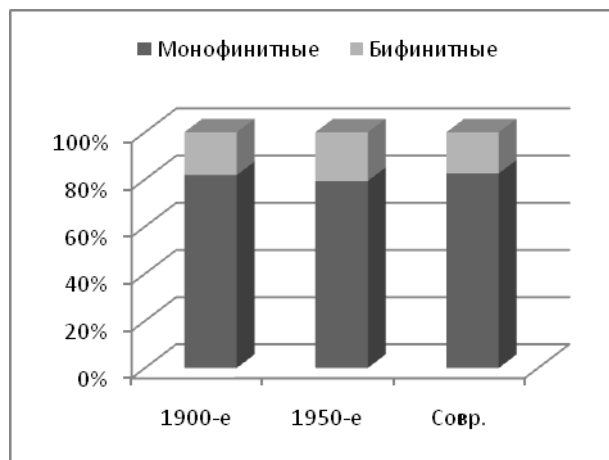

Рис. 4. Соотношение частотности монофинитных и бифинитных целевых ППК в чукотском языке

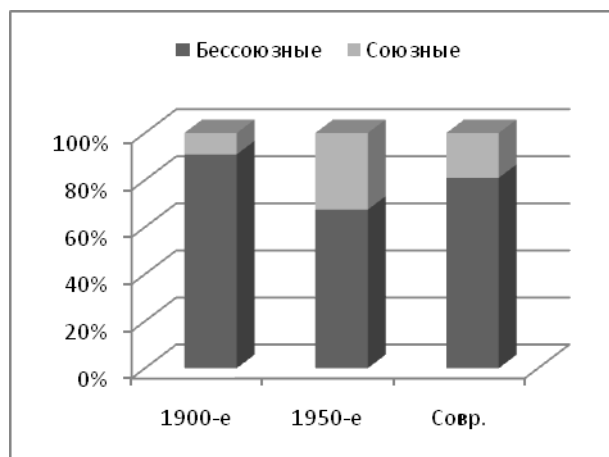

Рис. 5. Соотношение частотности союзных и бессоюзных целевых ППК в чукотском языке

Целевые ППК в корякском языке. Линия развития целевых ППК в корякском языке разительно отличается от двух других языков по указанной выше причине: основу корпуса наиболее ранних текстов на корякском языке составляют художественные произведения корякского писателя К. Кеккетына, в которых отражена уже видоизмененная нормированием система со значительным количеством союзных бифинитных целевых ППК.

К сожалению, в середине века оригинальные тексты на корякском языке не записывались и не печатались, поэтому данный этап развития корякского языка нам неизвестен, но современные фольклорные тексты, опубликованные и собранные в экспедициях, показывают, что результаты нормирования 1930-х гг. сохранились в корякском языке в течение всего XX в.

То, что частотность союзов в корякских целевых конструкциях растет именно под влиянием русского языка, доказывается выборкой целевых ППК из газетных текстов, написанных (не переведенных с русского языка!) журналистами-носителями корякского языка. В публицистике система корякских целевых конструкций сдвигается в сторону все большего использования союзов (рис. 6, 7). Особенно востребованными монофинитными ППК становятся союзные конструкции с локативным конвербом в качестве предиката ЗПЕ (табл. 6), являющиеся функциональными аналогами русских целевых инфинитивных оборотов (*пришел, чтобы остаться*). В подсистеме бифинитных конструкций обращает на себя внимание то, что в качестве предиката ЗПЕ в публицистических текстах в равной мере используются и формы опатива, и формы конъюнктива, в то время как в текстах К. Кеккетына и в современных фольклорных текстах значительно преобладают конструкции с предикатом ЗПЕ в форме опатива, более подходящего по семантике для употребления в целевой конструкции.

Рис. 6. Соотношение монофинитных и бифинитных целевых ППК в корякском языке

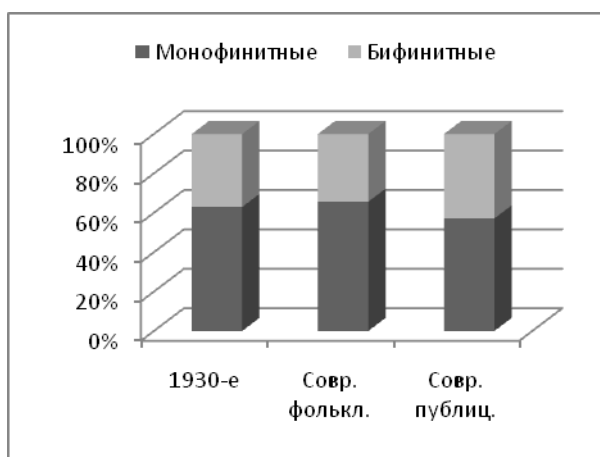

Рис. 7. Соотношение союзных и бессоюзных целевых ППК в корякском языке

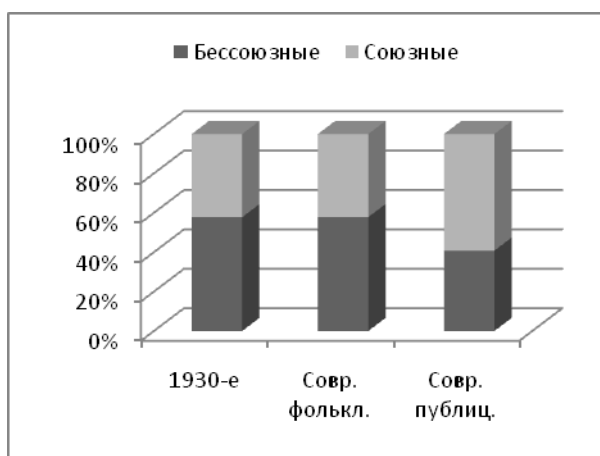

Таблица 6

Количественная характеристика целевых ППК
в корякском языке

Форма предиката ЗПЕ	Период					
	1930-е гг.		совр.			
	-CONJ	+CONJ	-CONJ		+CONJ	
			фольк.	публ.	фольк.	публ.
Монофинитные						
Tv=NMLZ(loc)=DAT	67		24	49		
Tv=NMLZ(loc)=LAT	7		6	1		
Tv=NMLZ(loc)=EQU	1		1			
Tv=CV ^{LOC}	3	3	4	4	5	28
только=Tv=CV ^{DAT}		1				
Tv=PrP=//			1			
Tv=REL		1			1	
ADV		2				1
NUM						1
Бифинитные						
Tv=OPT=//		46	1	2	16	27
Tv=CON=//		3		4	3	28
Tv=POT=//					1	
Tv=IND=//		1			1	1
Всего	78	57	37	60	27	87

В чукотско-корякских языках как оптатив, так и конъюнктив обозначают желательное действие, для выполнения которого субъект имеет достаточные потенциальные возможности. Различие в семантике этих двух форм заключается в наличии семы «намерение активно контролировать действие» в значении оптатива и в отсутствии такой семы в значении конъюнктива [Кибрик и др., 2000. С. 236–239].

Заключение

По структурным свойствам целевые ППК в чукотско-корякских языках делятся на монофинитные и бифинитные, бессоюзные и союзные.

Результаты изменения систем целевых ППК связаны прежде всего с социолингвистическими факторами: степенью сохранности языков, сферами их употребления и типом языковой политики, проводимой в отношении этих языков. Эти факторы, индивидуальные для каждого языка, действуют на фоне массового русско-национального двуязычия и влияния русского языка, которое в основном проявляется в развитии в системах целевых ППК союзной связи, являющейся инновацией для чукотско-корякских языков.

Нормы корякского языка, закрепленные в 1930-е гг. в художественной литературе, сохранились до начала XXI в. в фольклоре, корякская публицистика подверглась еще более значительному влиянию русского языка. Нормирование чукотского языка в 1930-е гг. не прошло апробацию в художественной литературе, поэтому развитие целевых конструкций в чукотском языке проходило более спонтанно, сходно с развитием ненормированного алюторского языка. Большое разнообразие целевых ППК и их большая частотность в современных чукотских текстах, в сравнении с алюторскими, обусловлены лучшей сохранностью чукотского языка.

Список литературы

- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.
Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев: Коллект. моногр. М.: Наследие, 2000.

Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка: Моногр. Kyoto, 2003.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка: В 2 ч. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова.

Условные обозначения

Языки, диалекты и говоры: **ал.** – алюторский язык; **кор.** – корякский язык; **чук.** – чукотский язык; **с.-в.** – северо-восточный диалект; **ан.** – анапкинский говор; **выв.** – вывенский говор; **кич.** – кичигинский говор.

Грамматические значения в глоссах и таблицах: **1, 2, 3** – лицо; **A** – агенс; **ABS** – абсолютив; **ADV** – наречие; **AP** – антипассив; **ATR** – атрибутив; **CAUS** – каузатив; **CON** – конъюнктив; **CV^{COM, DAT, EQU, INSTR, LOC, NEG}** – конвербы; **DAT** – датив; **DES** – дезидератив; **DIM** – диминутив; **EQU** – экватив; **INCH** – инхоатив; **IND** – индикатив; **INSTR** – инструменталис; **INTENS, intens** – интенсивность; **IPF** – имперфект; **IPFV** – имперфектив; **LAT** – латив; **LOC** – локатив; **LowA** – агенс, стоящий на низшей ступени иерархии активности; **NMLZ** – номинализатор; **nsg** – неединственное число; **obj** – объект; **OBL** – косвенная основа; **ON** – локализация 'на'; **OPT** – оптатив; **P** – пациенс; **PER** – peregrinativ; **pers** – имя собственное; **PFV** – перфектив; **PL, pl** – множественное число; **POT** – потенциалис; **POSS** – притяжательное прилагательное; **PP** – предикатив прошедшего времени; **PRES** – настоящее время; **PROL** – пролатив; **PrP** – причастие настоящего времени; **QUAL** – качественное прилагательное, наречие; **REL** – относительное прилагательное; **S** – субъект; **SG, sg** – единственное число; **VBLZ** – вербализатор.

Другие сокращения: **ГПЕ** – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **ППК** – полипредикативная конструкция; **Tv** – основа глагола; [...] – границы ГПЕ; {...} – границы ЗПЕ; // – лично-числовой показатель.

Текстовые источники: **Беликов 1979** – Беликов Л. В. Лымн'ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. Магадан, 1979; **Богораз 2004** – Чукотские мифы и фольклорные тексты, собранные В. Г. Богоразом. Kyoto, 2004; **Вдовин 1955** – Архивные материалы И. С. Вдовина. Хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1; **Жукова 1988** – Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988; **Кеккетын 1936** – Кецай Кеккетын. Эвныто батрак (Ewnyto val'an). Л., 1936; **Кеккетын 1939** – Х. К. Хоялхот. Панэнатвын. Л., 1939; **Кымытваль** – Сказки, собранные А. Кымытваль. Размещены на сайте Института языков и культур Азии и Африки при Токийском университете зарубежных исследований (Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies), адрес в Интернете: <http://www.ling-atlas.jp/r/tale/list>; **Народовластие** – газета, издаваемая в Корякском автономном округе; **Стебницкий 1928** – Архивные материалы С. Н. Стебницкого. Хранятся в архиве отдела языков народов Российской Федерации Института лингвистических исследований РАН; **Тынэтэгын 1940** – Тынэтэгын Ф. (Тинетев). Чавчывалымн'ылтэ (Сказки чаучу) / Под ред. Г. Мельникова. Л., 1940; **Чукотские сказки 1975** – Кто самый сильный на земле. Чукотские сказки. Магадан, 1975.

Примеры без помет взяты из собственных экспедиционных материалов автора.

Материал поступил в редколлегию 20.11.2011

A. A. Maltseva

THE STRUCTURAL TYPES OF PURPOSE COMPLEX SENTENCES IN CHUKCHI-KORYAK LANGUAGES

The paper examines the structural types of purpose complex sentences in Chukchi-Koryak languages and the way of their change under Russian influence during the XXth century. This influence is resulted mainly in increasing frequency of the constructions with purpose conjunctions. The specificity of the change results in each language is explained by different sociolinguistic factors: the state of language preservation, the type of language policy and the circumstances of language functioning.

Keywords: Chukchi-Koryak languages, syntax, complex sentence, purpose construction.